

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора исторических наук М.В. Корогодиной
о рукописи диссертации Константина Владимировича Вершинина «Мерило Праведное
как памятник древнерусской книжности и права», представленной на соискание ученой
степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Механизмы управления государством и церковью являются одним из центральных вопросов, затрагиваемых в исследованиях, касающихся истории России. Особенно интересен в этом отношении XIII–XIV вв., когда формировались важнейшие древнерусские юридические и канонические сборники: Кормчие книги и Мерило Праведное, вобравшие в себя все важнейшие памятники права и обусловившие взгляды на систему управления на несколько столетий вперед. Именно эти теснейшим образом связанные книги являются основным источником, из которых исследователи черпают сведения о правовых текстах, известных на Руси. В их число входили как византийские, так и древнерусские памятники, – от канонов вселенских соборов, до постановлений собора русских епископов 1273 г.; от новелл византийских императоров до Правды Русской и княжеских уставов. Наравне с памятниками права в юридические и канонические сборники (и в особенности в Мерило Праведное) входили назидательные тексты, формирующие образ правителя и имевшие не меньшее значение, чем законы. Без исследования этих важнейших памятников невозможно изучение системы государственного и церковного устройства России в средневековый период, что обуславливает необходимость и актуальность данной темы.

К.В. Вершинин поднял одну из самых трудных и трудоемких тем, за которую до него в столь полном объеме никто не брался. Мерило Праведное – назидательный и юридический сборник, обращенный к великому князю и включивший в себя все ключевые правовые памятники, как светские, так и церковные до конца XIII века – привлекает внимание исследователей уже два столетия, однако до сих пор нет ни научного издания этого уникального для русской истории памятника, ни его всестороннего исследования. Несмотря на неизменное внимание к нему исследователей, до сих пор ученые затрагивали лишь отдельные части Мерила Праведного. В этом отношении работа К.В. Вершинина уникальна, поскольку исследователь уделяет пристальное внимание как рукописной традиции Мерила Праведного (в том числе выпискам, которые почти всегда остаются вне внимания исследователей при изучении столь объемного сочинения), так и источникам и истории появления и бытования в славянской книжности входящих в него текстов. Диссертант показывает себя как искусный археограф, прекрасно ориентирующийся в славянских рукописях; источниковед, вполне владеющий методами анализа взаимоотношения текстов и в равной степени умело проводящий как текстологическое сопоставление, так и лингвистическое. Завершают работу выводы автора о восприятии права в средневековой России, что теснейшим образом связано с вопросом о сфере применимости тех юридических текстов, которые входили в Мерило Праведное и которые по сути своей предназначались для решения юридических казусов.

На страницах исследования К.В. Вершинина рассыпано множество находок: от небольших наблюдений над историей текста или его источниками, до открытий сочинений, о существовании которых в славянской письменности до сих пор ничего не было известно. Даже если рассматривать данное исследование в отрыве от основной его темы – изучения Мерила Праведного в его целостности – оно является значительным

вкладом в изучение славянской книжности, обогащая наши знания о круге переводных и оригинальных славянских текстов, времени их появления и степени распространенности, наконец – о методах работы древнерусского книжника. К.В. Вершинину удалось выяснить источники многих сочинений, как входивших в Мерило Праведное, так и составлявших, по определению диссертанта, его литературное окружение. Среди этих источников оказались тексты, о столь раннем бытовании которых до сих пор не было известно; некоторые приводимые диссертантом параллели заставляют думать, что круг существовавших славянских переводов был существенно шире, чем представляют себе современные исследователи, или же составители Мерила Праведного обращались непосредственно к греческим текстам (к сожалению, эта возможность осталась за пределами внимания К.В. Вершинина).

Всестороннее изучение рукописной традиции Мерила Праведного и текстов, входивших в него, позволило К.В. Вершинину на широком материале надежно доказать то важнейшее заключение, которое ранее высказывалось предшественниками диссертанта на основе отдельных наблюдений: Мерило Праведное было создано единовременно и в полном объеме, без позднейших наслоений, не ранее последней трети XIII века. Дальнейшее исследование, охватывающее все входящие в Мерило Праведное тексты, привело диссертанта к новым и убедительно доказанным выводам, значение которых для последующих изысканий трудно переоценить: созданием Мерила Праведного занимался один человек – выдающийся книжник, литературные приемы которого прослежены К.В. Вершининым на всем протяжении памятника. Не ограничившись жесткими рамками заданной темы, диссертант привлек ряд текстов, не вошедших в Мерило Праведное, но созданных, как можно полагать, в то же время. Именно это позволило диссертанту доказать, что главным составителем Мерила Праведного был Иаков черноризец, известный как автор послания ростовскому князю Дмитрию Борисовичу. Предшествующие исследователи не раз отмечали связь между посланием Иакова черноризца и предисловием к Мерилу Праведному, но именно К.В. Вершинину, благодаря анализу всего текста Мерила Праведного, удалось показать, что Иаков черноризец был основным создателем Мерила Праведного.

Этих результатов, безусловно, достаточно для признания исследования К.В. Вершинина достойным присуждения ему ученой степени кандидата исторических наук. По долгу оппонента я, тем не менее, должна отметить, что столь широкий охват материала влечет за собой дополнительные вопросы и некоторые возражения, которые не влияют на общую высокую оценку работы.

Некоторые изначально заданные, а не вытекающие из исследования выводы порой мелькают на страницах работы. Не рассмотрев и половины источников Мерила Праведного, диссертант походя замечает: *«архетип Мерила Праведного нельзя датировать временем ранее начала XIV в.»* (с. 89), хотя изложенный им материал никак не может подвести к подобному выводу, – в конце же исследования К.В. Вершинин приходит к прямо противоположным заключениям, датируя архетип сборника временем *ранее начала XIV в.*

Рассмотрев взаимоотношение списков Мерила Праведного и предположив существование *«не менее трех не дошедших до нас полных рукописей Мерила»* (с. 10–13), К.В. Вершинин, однако, не обосновал противопоставление C524 группе C525-КБ. Это делает сомнительным введение в стемму дополнительного гипотетического звена – несохранившегося списка Мерила Праведного, послужившего антиграфом для C524. На

основе приведенных диссертантом данных можно возвести С524 непосредственно к антиграфу Тр. Это предпочтительнее, поскольку избавляет от необходимости предполагать существование еще одной рукописи, учитывая, что оснований для таких предположений крайне мало. Несомненно, целый ряд древнейших памятников утрачен; существовали и недошедшие до нас списки Мерила. Однако Мерило Праведное было весьма специфическим памятником, которое сохранялось с особой тщательностью. Малое количество списков, судьба которых хорошо прослеживается на протяжении XV-XVI вв., наряду с отсутствием упоминаний неотожествленных списков в описях средневековых библиотек заставляет с большой осторожностью подходить к предположениям о реконструируемых рукописях. Неизвестные ныне списки упоминаются только в XIX в. Г.А. Розенкампом и Е.Н. Опочининым, и у нас нет возможности выяснить, действительно ли эти ученые видели полные списки Мерила или выписки из него. Так, найденный диссертантом сборник с выписками из Мерила, по которому вводное поучение было опубликовано М.П. Погодиным, и близость его к описанному Розенкампом списку Мерила Праведного (до сих пор не обнаруженному) заставляет предполагать, что Розенкампф мог видеть тот самый сборник, который позже привлек Погодин. По этой причине утверждать, что существовало еще три списка старше конца XV в. можно, лишь тщательно обосновывая существование каждого списка; подобная аргументация в исследовании отсутствует.

Подобно своим предшественникам, К.В. Вершинин отдельно рассматривает единственное русское авторское сочинение, вошедшее в Мерило Праведное, – «Наказание еп. Симеона», останавливаясь на кирилло-белозерском списке, в котором названный текст отсутствует (с. 58–60). Однако выводы диссертанта весьма туманны. Сопоставление списков убеждает К.В. Вершинина в том, что текст списка КБ невозможно относить к раннему этапу формирования Мерила Праведного (подобно тому, как это делал Л.В. Миров), и «Наказание еп. Симеона» было исключено из него позднейшими переписчиками. Тем не менее, исследователь не решается отказаться от предположения Л.В. Милова о некоей тверской ветви в формировании Мерила Праведного: *«Можно допустить (хотя на известном материале этого нельзя строго доказать), что «Наказание» действительно не читалось в архетипе Мерила и было внесено туда при создании очередной копии сборника в Твери»* (с. 57–58). Ниже (с. 94) диссертант уже опирается на гипотезу о позднем включении «Наказания еп. Симеона» в Мерило Праведное как на доказанный факт. Однако диссертант не только не приводит тому никаких доказательств, но и не делает тех выводов, которые влечет за собой подобное предположение. Действительно, это означает, что все существующие списки восходят к некоей несохранившейся тверской копии Мерила Праведного, дополненной «Наказанием еп. Симеона» и не тождественной старшему списку Тр. Этой тверской копии, в свою очередь, предшествовал по крайней мере один список Мерила Праведного (архетип), в котором не было «Наказания» и который не оставил никаких следов в рукописной традиции. Это снова заставляет диссертанта умножать число недошедших списков только для того, чтобы объяснить появление в Мериле Праведном сочинения, повествующего о реальных исторических лицах и выбивающегося, с точки зрения диссертанта, из ряда остальных назидательных и богословских текстов. Однако если признать, что все существующие списки восходят к архетипу, содержавшему «Наказание еп. Симеона», то введение дополнительного этапа, на котором это русское сочинение должно было появиться в уже сложившемся сборнике, становится неоправданным излишеством.

Неясно, чем объясняется предположение, что этого русского текста изначально не было в составе Мерила Праведного. Неясно также, какого же мнения придерживается диссертант относительно взаимоотношения редакций «Наказания еп. Симеона» и его происхождения (с. 58–60). Диссертант полагает, что в Мериле Праведном «Наказание еп. Симеона» носит черты вторичности, относя к архетипу чтения Пролога. Однако если в Мериле Праведном текст «Наказания еп. Симеона» подвергнут «*нивелирующей*» правке (с. 60), то сочинение теряет всякую связь с Тверью и могло быть внесено в Мерило Праведное не в Твери. В этом случае предположение о тверской ветви Мерила Праведного, в которой якобы появляется «Наказание Симеона», становится совершенно излишним. Опережая собственные выводы, диссертант уже в начале исследования пытается доказать, что Мерило Праведное составлено не в Твери, и вводит «тверскую ветвь» в историю текста лишь для того, чтобы объяснить появление текста, связанного с именем Тверского епископа, – но тут же доказывает, что появление и этого «тверского» текста в Мериле Праведном тоже с Тверью не связано. Создается впечатление, что в диссертации отразились разные этапы работы К.В. Вершинина над исследованием: в начале диссертант следовал гипотезе Л.В. Милова о том, что список КБ сохранил ранний этап в истории Мерила Праведного, и по этой причине выделял тверскую ветвь и «Наказание» Симеона Тверского. Убедившись в том, что КБ является поздним списком основной (и единственной) ветви списков Мерила Праведного, диссертант, однако, не решился отказаться от удобной гипотезы о существовании тверской переделки сборника, хотя никаких свидетельств этого уже нет.

Более того, при всей тщательности, с которой диссертант подходит к изучению переводных текстов и древнейших славянских компиляций, именно «Наказанию» Симеона Тверского, как кажется, не хватило внимания со стороны К.В. Вершинина. Осторожно заметив, что «*Наказание» Симеона едва ли было написано специально для Мерила Праведного: некоторые подробности позволяют говорить о его бытовании до включения в Мерило Праведное*» (с. 58), диссертант не пришел к выводу, чем объясняется близость «Наказания Симеона» и непосредственно соседствующих с ним текстов, которые исследователь считает принадлежащими перу составителя Мерила Праведного. Между тем, близость выражений трех текстов и обращение к одним источникам (что убедительно показано диссертантом) – это наиболее излюбленные К.В. Вершининым признаки принадлежности текстов одному автору и единовременности их обработки для включения в Мерило Праведное. Неясно, почему этим признакам, так широко используемым при анализе иных частей Мерила Праведного, в данном случае К.В. Вершинин отказывается доверять. Полагаю, что постулат о позднейшем включении «Наказания еп. Симеона» в Мерило Праведное, равно как и о существовании тверского этапа в формировании сборника, требует дополнительных доказательств.

Большое значение имеют наблюдения диссертанта над другим древнерусским памятником – «Правилom о церковных людях» (с. 126–132). Предложенный К.В. Вершининым взгляд на этот важнейший памятник представляет историю его складывания более стройной и логичной, чем в предшествующих исследованиях. Диссертант убедительно доказывает, что текст был составлен единовременно до 1294 г., и высказывает осторожное предположение, что «Правило о церковных людях» было составлено для Мерила Праведного. Не отрицая такой возможности, следует отметить, что во всех остальных случаях составитель Мерила Праведного использовал уже существующие памятники права. Его творчество ярко проявилось в первой части

сборника, для которой он подготовил авторское предисловие и искусно составил ряд текстов. Однако к правовым текстам он относится иначе, чем к четым. Во второй части Мерила Праведного главную задачу составитель, очевидно, видит в тематическом подборе правил, в стройной системе расположения материала. Что касается правки самих статей, то редактор позволяет себе менять текст, но это вмешательство ограничивается поновлением языка, лексическими заменами, сокращением синонимического ряда в некоторых текстах. В остальном тексты остаются неприкосновенными: судебники, за единственным исключением, приводятся целиком, как бы обширны они ни были. Во вторую часть Мерила Праведного включены только существующие памятники византийского и древнерусского права; даже в тематических разделах составитель не прибегает к известному по первой части сборника приему: компилированию емкого текста из мелких цитат, выбранных из широкого круга источников. Это было бы легко сделать, пойдя по пути толкователей канонов и подготовив на каждую тему подборку из соборных и отческих правил; однако составитель этого не делает. Он приводит правила по отдельности, не соединяя их в собственный текст, но представляя их читателю как самостоятельные статьи, хотя и сокращая порой длины в правилах. Разный подход в первой и во второй части Мерила Праведного, несомненно, связан с различным отношением к четым и правовым текстам. Это делает сомнительным, чтобы составитель неожиданно отошел от своих принципов и подготовил собственный судебник, не только соединив несколько источников, но и дополнив их новыми правовыми нормами и выступив, таким образом, в качестве законодателя. Представляется более естественным, что составитель Мерила Праведного, как и в других случаях, использовал уже существовавший памятник права – «Правило о церковных людях».

Немало возражений вызывает и исследование двух текстов из *«литературного окружения»* Мерила Праведного: «Правила черноризцам» и «Поучения новопоставленному священнику» (с. 143–164). Оба текста входят в основной состав Кормчей в 70 главах; оба подвергаются диссертантом тщательному анализу. Не обнаружив в первом из них пересечений с Мерилом Праведным, К.В. Вершинин обращается к поздним спискам, в которых «Правило черноризцам» имеет продолжение. Подробнейший анализ приводит диссертанта к заключению, что дополнения поздних списков принадлежат перу составителя Мерила Праведного: *«эти тексты – по крайней мере, в своей основе – принадлежат тому же книжнику, что и «Правило» в Кормчей»* (с. 151). Однако какова же та «основа», которая принадлежит книжнику XIII в., остается загадкой. Опираясь на *«общность источников и особенности цитации некоторых из них»*, диссертант относит к деятельности составителя Мерила Праведного все сочинения, в которых текст «сшит» из мелких цитат, заимствованных из святоотеческой литературы. Аморфность представлений о том, каковы границы авторского текста в «Правиле черноризцам», наряду с априори принятой гипотезой, что компиляция такого рода может принадлежать единственному человеку – составителю Мерила Праведного, делает предположение К.В. Вершинина малоубедительным. Равным образом недоказанным следует считать вывод диссертанта о том, что «Правило черноризцам» и «Поучение новопоставленному священнику» принадлежат одному автору, поскольку этот вывод основан на единственной общей цитате, появившейся в маргинальном списке и не поддерживаемой иными списками. В своих заключениях К.В. Вершинин, очевидно, не учитывает, что древнерусские книжники часто узнавали цитаты так же, как их узнает

современный исследователь, и щедро дополняли их из тех же или из тематически близких источников.

Выводы диссертанта относительно «Поучения новопоставленному священнику» также вызывают сомнения. В самом начале определив пространную редакцию текста, включенную в Кормчие книги, как вторичную, далее К.В. Вершинин рассуждает о пространной редакции как об оригинальном авторском тексте. Однако рассуждения об «авторе» поучения на основе исследования вторичной пространной редакции при отсутствии анализа взаимоотношения редакций (появившихся, если следовать логике диссертанта, практически одновременно в последней трети XIII в.) требуют дополнительной аргументации. Выводы К.В. Вершинина должны быть проверены и подкреплены текстологическими доказательствами взаимоотношения редакций «Поучения новопоставленному священнику» и обоснованием принадлежности обеих редакций одному или разным книжникам. Только после этого можно будет сопоставлять «интерполяции» в пространной редакции, доказывая их принадлежность перу составителя Мерила Праведного. В целом эти наблюдения диссертанта относятся не столько к изучению Мерила Праведного, сколько к взаимоотношению этого сборника с Кормчей. Исследование К.В. Вершинина убедительно показало, что связь между ними еще более тесная, чем представлялось до сих пор; однако несомненно, что этот большой и сложный вопрос требует дальнейшего изучения и не мог быть решен в рамках данной работы.

Наконец, подходя к заключительной части исследования, диссертант обращается к сборнику XVII века РНБ, Погод. 1294, «сохранившей имя князя» Дмитрия (с. 174) в предисловии к Мерилу Праведному. Эти заключения диссертанта также вызывают возражения и вопросы. Отмечая исправность «Послания Иакова черноризца» в погодинской рукописи, диссертант полагается и на исправность текста предисловия к Мерилу Праведному, хотя эти тексты никак не связаны, а текстологическое сопоставление предисловия к Мерилу Праведному не проведено. Состав погодинской рукописи и история формирования сборника не показана, поэтому нет возможности судить о том, вошли ли в нее тексты из древних оригиналов или же для сборника характерна правка XVII века. Предисловие к Мерилу Праведному в погодинской рукописи имеет явно поздний заголовок, приписывающий составление текста Стефану Пермскому, а адресатом называющий вел. кн. Дмитрия Ивановича; заголовок, очевидно, написан под влиянием «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» (с. 13-14, 24). Уже это не позволяет с доверием относиться к имени князя в рукописи. Утверждение К.В. Вершинина, что заголовок создан на основе сохранившегося в тексте и восходящего к глубокой древности имени князя, ничем не подтверждено. Более вероятным представляется движение в обратном направлении: имя князя Дмитрия могло быть внесено в текст предисловия под влиянием заголовка с именем Дмитрия Ивановича.

В завершение необходимо еще раз подчеркнуть: исследование К.В. Вершинина вносит существенный вклад в изучение Мерила Праведного и достойно не только присуждения ученой степени кандидата исторических наук, но и публикации в виде монографии. При этом как всякое прекрасно выполненное исследование, диссертация К.В. Вершинина не создает видимости завершения темы, но открывает новые перспективы и влечет за собой вопросы, которые есть надежда решить, опираясь на основные выводы диссертанта. Позволю себе обрисовать главнейшие из них, несмотря на то, что они выходят за рамки поставленной диссертантом темы. Прежде всего, как показывает проведенная К.В. Вершининым работа, первоочередной является потребность в

подготовке научного издания Мерила Праведного по всем известным спискам. Только издание позволит окончательно выстроить взаимоотношение списков и проследить связи между текстами, поскольку отдельные и порой случайные чтения, которые сейчас приводятся при сопоставлении текстов, не дают репрезентативности. Очевидная связь Мерила Праведного с Кормчей книгой, формировавшейся в тот же период, заставляет вернуться к вопросу о взаимоотношении этих двух книг. Решение этого вопроса, на мой взгляд, позволит на основе конкретных фактов, а не случайных наблюдений и догадок, определить когда, по замыслу какого иерарха и для кого было задумано Мерило Праведное.

Высказанные соображения не влияют на положительную оценку работы, которая полностью соответствует квалификационным требованиям диссертационных исследований. Публикации соискателя с должной полнотой освещают содержание работы; автореферат отражает основные положения, вынесенные на защиту.

Диссертация К.В. Вершинина удовлетворяет требованиям, перечисленным в пункте 2.1-2.5 "Положения о присуждении ученых степеней в МГУ им. М.В. Ломоносова", утвержденном ректором МГУ 27 октября 2016 г. Исследование заслуживает высокой оценки, а К.В. Вершинин – присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент

Корогодина Мария Владимировна

доктор исторических наук, заведующая

Научно-исследовательским отделом рукописей

Федерального государственного бюджетного

учреждения науки «Библиотека

Российской академии наук»

М. Корогодина (М.В. Корогодина)

21 апреля 2017 г.

199034, Санкт-Петербург, Биржевая линия, д. 1

e-mail: ban.nior@gmail.com

тел.: (812) 328-08-81

